

стали исследования, выполненные в Финляндии. Не раз М. Оянен приходится сетовать по поводу отсутствия работ по ряду центральных проблем (например, о порядке слов в предложении), касающихся прибалтийско-финских языков в целом. Поэтому не всегда возможны и окончательные выводы.

Интересно же то, что даже в одном типе предложений кроется подчас несколько возможностей. Например, в типе (фин. *kokijalause*), где прилагательное выражает психическое или физическое состояние, субъект по сути стоит в аллативе в людиковском наречии, в генитиве — в финском языке: *hebole on d'uged vedata ~ hevosen on raskas vetää* 'лошади трудно везти'. Употребление здесь аллатива — влияние датива русского языка, но предикативное наречие русского языка заменено своим прилагательным. (М. Оянен считает подобные конструкции некими синтаксическими полупереводными заимствованиями). В то же время в диалектных текстах встречаются предложения, полностью отвечающие модели русского языка: *mille ro'dihe strašno* < рус. *мне стало страшно* (см. с. 270 и след.).

Иногда же русский язык косвенно помог сохранить изначальное состояние. Например, при сказуемом, выраженном прилагательным, которое в людиковском наречии имеет форму номинатива, а в финском языке — партитива: *haugid oli krapnuoid ~ haukia oli suuria* 'щуки были большие' (с. 250 и след.). В людиковском наречии, действительно, сохранилось более раннее состояние: как подлежащее, так и сказуемое имеют форму номинатива. Однако под влиянием русского языка связка *olla* могла сместиться с первоначальной позиции на место после сказуемого (SPV) или вообще утратиться (SP) (с. 253, 278). Последнее изменение в предложениях этого типа косвенно повлияло на позицию прилагательного в роли сказуемого (с. 278).

Докторская диссертация М. Оянен свидетельствует о компетентности ее автора, умении анализировать и синтезировать. Она способна просто (но не упрощенно) изложить сложные проблемы. Читатель невольно начинает постигать, как сложен, богат и изменчив язык как таковой и насколько мало мы еще его знаем.

ХЕЛЬМИ НЕЭТАР (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1986.3.13>

Д. Е. Казанцев, *Формирование диалектов марийского языка, Йошкар-Ола 1985. 159 с.*

Книга Д. Е. Казанцева является ценным вкладом в исследование этногенеза марийского народа, поскольку автором трактуются прежде всего проблемы формирования марийского этноса начиная с распада волжско-финской общности до XVIII в. К этому времени, по мнению автора, уже сложились известные в настоящее время диалекты марийского языка. Д. Е. Казанцев не занимается вопросами сложения группы марийцев, живущих на территории Башкирии, потому что массовое переселение их происходило после рассматриваемого периода. Он базируется в первую очередь на археологических исследованиях, относительно более поздних времен использует и письменные документы, демонстрируя с помощью последних изменения, происшедшие в численности марийского населения в разных местностях, и соотношение их с другими народностями.

Исторические факты он пытается согласовать с языковыми.

В начале книги подробно перечисляются толкования этнонима *черемис*. К сожалению, ряд маловероятных попыток автор пополняет собственным объяснением, согласно которому *черемис* состоит из мордэ *чи* 'солнце' + суффикс прилагательного *-ре* + прибалт.-ф. **mes* 'мужчина' (досл. 'солнечный человек', т. е. живущий на востоке от мордвы). Однако эрз. *чи* не встречается с суффиксом *-ре* и упомянутое прибалтийско-финское слово не имеет мордовского соответствия. В новом этимологическом объяснении Д. Е. Казанцева кроется столько фонетических и семантических трудностей, что лучше сразу отказать от него.

Вслед за этим рассматривается история изучения марийских диалектов, что представляет собой самый подробный до

сих пор обзор данного вопроса.

Относительно волжской языковой общности автор ссылается на статью Сетяля 1916 г., в которой финский ученый без определения территории говорит о существовании такого периода. Но 10 лет спустя Сетяля высказался иначе (см. Suomen Suku I, Helsinki 1926, с. 182). Он писал, что на основе новых сведений нельзя говорить о волжской общности. После отделения прибалтийских финнов и предков волжских народностей распалась и общность мордвы и марийцев. Автор данной рецензии занимался этой проблемой (см. ALHung, 24 : 81—85; Études finno-ougriennes 15 : 81—90) и пришел к убеждению, что у мордовских и марийского языков нет таких общих фонетических и морфологических черт, которые указывали бы на существование когда-то волжской общности. Число общих слов в марийском и мордовских языках, не имеющих дальнейших соответствий, не превышает 20, причем некоторые из них могут быть параллельными заимствованиями из неизвестного нам третьего языка. Этого недостаточно для предположения о волжском периоде. К такому же результату пришел итальянский финно-угровед Д. Гено (см. NyK 83 : 114—121). Общие черты мордовских и марийского языков объяснимы тем, что предки этих народов были тесно связаны между собой внутри финско-волжской общности.

Д. Е. Казанцев предполагает, что древняя родина волжских народов находилась на правом берегу Волги в зоне распространения ясеня и осокоря, потому что в марийском и мордовских языках имеется общее название для них (ср. морд. *уксо*, *укс* 'ясень', мар. *ошко* 'осокорь'). Но нынешнее распространение этих деревьев может значительно отличаться от древнего.

Самостоятельная жизнь марийского языка, как считает автор, начинается примерно в V в. до н. э.

Далее Д. Е. Казанцев рассматривает отношение марийцев к пермским народам. Согласно общепринятому мнению, в носителях ананьинской археологической культуры видит он предков коми и удмуртов. По мнению А. Х. Халикова, в сложении ананьинской культуры принимало участие и какое-то азиатское население угридного типа. Д. Е. Казанцев считает возможным,

что этот суперстратный элемент был венгерским. Таким образом можно было бы без затруднения объяснить, пишет он, общие венгерско-пермские фонетические черты. В венгерском языке, действительно, обнаруживается несколько пермских заимствованных слов, но они более позднего происхождения, и гипотезу общих венгерско-пермских фонетических процессов следует признать окончательно устаревшей, что отмечали Д. Лако (NyK 64 : 56—70), К. Реден (NyK 66 : 253—261).

По данным археологии и названиям рек, пишет автор, в начале н. э. Ветлужско-Вятское междуречье, заселенное в настоящее время марийцами, принадлежало предкам пермских народов. Начиная с II—III вв. н. э. до XII—XIII вв. марийцы жили на правом берегу Средней Волги. Этот период автор называет раннедревне-марийским. Он приводит немало топонимических названий марийского происхождения, которые встречаются на территории Горьковской области. Но название реки *Виткинза* или *Вишкинза*, которое, по мнению автора, служит важным доказательством того, что марийцы когда-то доходили до рек Мокши и Алатыря, нельзя связать с марГ *вйтсынзä* или марЛ *вйтшинча* 'исток (реки)'. Упомянутое марийское слово, наряду с вариантом *памашшинча*, является калькой из соседних тюркских языков (ср. чув. *сälкүс*, тат. *чиммә куз*).

Можно согласиться с автором в том, что северочувашские топонимы на *-кар* пермского происхождения и свидетельствуют о бывшем пермском населении этого края. Он считает, что от них происходят те специфические пермские слова в марийском языке, которые не имеют мордовских соответствий. Многие из перечисленных слов, по мнению автора данной рецензии, представляют собой пермские заимствования (см. NyK 79 : 57—77). Но, например, мар. *лүс* 'хвоя' — уже более позднего происхождения.

В области морфологии сходство суффиксов марийского дательного падежа *-лан* и коми приблизительного падежа *-лань* ничего не доказывает, ведь марийский суффикс не менее этого связан и с прибалтийско-финским аллативом на *-len*. Переход мар. *нЧ* > *Ч*, например *кји* 'ноготь, коготь', является результатом внут-

ренного развития и нельзя связывать его с подобным явлением пермских языков. В определенных звукосочетаниях последних происходил процесс деназализации, в марийском же языке в данном случае *n* исчез, потому что в конце слова не может быть *ни*. Если конечный гласный не исчезает, например в *пӱнчӱ* 'сосна', носовой согласный сохраняется. Переход *nt* > *d* в *шыдад* 'пшеница' следует также отнести от сходного явления пермских языков, потому что в таких случаях *n* в марийском исчез вследствие диссимилятивного влияния конечного *n*.

В иранском влиянии автор выделяет более ранний и более поздний периоды. Заимствования первого периода он приписывает носителям абашевской культуры, второго же — сарматам кошибеевской культуры. Попытка классификации заслуживает внимания, но этимологии следует основательно просеять. Мар. *ваче* 'плечо' и *пушто*: *мӱжыкырвушто* 'желудок' имеют финно-угорские соответствия (см. НуК 79 : 67; 66 : 386), *оржа* 'грива' легче объяснить из чувашского (см. MSFOu 151 : 251). Такие сопоставления, как мар. *апшат* 'кузнец' ~ осет. *ӕфсати* 'бог охоты'; мар. *готи* 'непугевый' ~ барт. *тути* 'попугай', с семантической точки зрения сомнительны.

Что касается начала тюркского влияния, автор решительно отклоняет мнение, будто марийский язык до появления болгар уже в середине I тыс. н. э. испытал его в значительной мере. Можно полностью одобрить эту точку зрения, поскольку не имеется никаких языковых следов такого влияния.

В книге подробно трактуются марийско-болгарские взаимосвязи. Булгары появились в Поволжье в середине VIII в. н. э. Автор не пытается определить начало болгарского влияния на марийский язык, но пишет, что процесс схождения болгарского и марийского населений наметился лишь в XIII—XIV вв. (с. 107). Венгерский тюрколог А. Рона-Таш высказал мнение, что самые древние болгарские заимствования вошли в марийский язык не ранее этого (Néprajz és nyelvudomány 17—18 (Acta universitatis szegediensis de Attila József nominatae. Sectio ethnographica et linguistica) : 135).

Период с XII—XIII по XVI—XVII вв. автор называет позднедревнемарийским.

Этим временем он датирует начало переселения марийцев на левобережье Волги.

Автор предполагает, что в бассейне Ветлуги могли быть отдельные мансийские племена. Об этом свидетельствуют якобы такие слова угорского происхождения марийского языка, как *ече* 'лыжи', *кӱжӱ* 'нож', *мӱртньӱ* 'икра' (с. 95), но не объясняет, на основе каких фонетических критериев считает их заимствованиями.

По мнению археологов, марийцы поселились в бассейне Вятки в IX—X вв. Это допускает и автор. В массе своей они пришли, по-видимому, из бассейна р. Ужги, на что указывает сходство названий правых притоков Вятки с гидронимами Коестромского Поволжья. Прежнее удмуртское население отчасти ушло отсюда, отчасти было ассимилировано марийцами. Частичное сохранение ф.-у. *c здешними говорами автор объясняет удмуртским субстратом, но такое утверждение нельзя обосновать лингвистическими доводами. Переход *c* > *ш* в марийском языке представляет собой позднее явление, он произошел во многих русских заимствованиях. Распространяется этот процесс с запада на восток, где он не закончился до сих пор, как отмечает и Э. Беке (FUF XXII : 92). Наличие удмуртского субстрата в Вятском крае неоспоримо, однако указывают на это иные языковые явления, например спорадическое появление гласного *ш* или употребление падежного суффикса на *-шкен* (*кум ийышкен* 'до трех лет'), что можно объяснить влиянием предельного падежа удмуртского языка.

Бассейн Илети, по мнению автора, марийцы заняли в XIV—XVI вв. Здесь образовался волжский говор.

Частично переселение горномарийцев на левый берег Волги происходило во время войн Московского государства с Казанским ханством, т. е. довольно поздно. Горные марийцы сложились на правом берегу Волги. В этом автор, несомненно, прав, но ни в коем случае нельзя согласиться с тем, что горные марийцы и мокша имели связь между собой и в период русского влияния. Д. Е. Казанцев приходит к этому выводу на основе некоторых сходных русских заимствований в горном наречии марийского языка и в мокшанском языке (с. 119).

Носители йошкар-олинского говора, по

объяснению автора, переселились из Присурья в бассейн М. Кокшаги в XV—XVI вв. Одновременно происходило и заселение бассейна Б. Кокшаги, откуда позже, в XVII в., шло переселение на р. Пижму, где сформировалось северо-западное наречие марийского языка.

Менее ярко нарисована картина заселения марийцами моркинско-сернурского края.

Что касается образования северо-западного наречия, то некоторые моменты здесь остаются неясными. Непонятно, чем объясняется большое сходство между горным и северо-западным наречиями. То, что пишет Д. Е. Казанцев о формировании северо-западного наречия, относится, вероятно, к его первой фазе. Есть основание предполагать, что значительное число носителей горного наречия переселилось на территорию, где в настоящее время говорят на северо-западном наречии, и смешалось с прежним марийским населением. О смещении свидетельствуют такие явления, как, например, совместное употребление суффиксов множественного числа *-шаймыц* и *-влä*. В представителях т. н. шарангского говора можно видеть, вероятно, последнюю группу переселенцев. И автор отмечает, что они генетически связаны с ардинско-руткинской группой горных марийцев.

Не дается в работе ответа на вопрос, откуда происходят западные черты волжского говора. По мнению рецензента, они также объясняются суперстратом носителей горного наречия.

Последний раздел книги озаглавлен: Современный период (с. XVIII в.). В это время формируется восточное наречие марийского языка. Автор трактует здесь и татарское влияние в марийском языке. Однако с отнесением татарского влияния к данному периоду нельзя согласиться. Правда, это влияние более позднее, чем болгаро-чувашское, но все же не столь позднее. Ассимиляция татарами болгарского населения левобережья Волги заканчивается в основном в XV в., когда начинается интенсивное татарское влияние на марийский язык. Что касается числа лексических заимствований, то оно уступает чувашским, особенно в западных говорах марийского языка, как отмечает и автор. Все же нельзя отрицать, что в течение II тыс. н. э. вплоть до начала XX в. на-

ряду с чувашским языком татарский играл значительную роль в формировании марийского языка, но этот момент в изложении автора теряется.

Д. Е. Казанцев предполагает, что татарские заимствования западных говоров марийского языка имеют мишарское происхождение, однако фонетические доводы его не убедительны. МарГ *йäне* 'душа' он выводит из мишар. *йан* 'душа'. Такое сопоставление с фонетической точки зрения невозможно. В конце слова во всех тюркских соответствиях имеется *n*, этим нельзя объяснить марГ *нг*. Кроме того, в недалеком прошлом тюркское слово и в казанско-татарском звучало как *йан*. МарГ *кек*, марСЗ, *кеййк* 'птица' — не татарское, а чувашское заимствование такого же типа, как марГ *кей*, марСЗ *кейä* 'идет' (вместо *кайа*). Значение марийского слова говорит также в пользу его чувашского происхождения.

В татарских заимствованиях западных говоров типа *цEVER* 'красивый' *ц* не имеет ничего общего с мишарским цоканьем. Говоры марийского языка, которые знают только аффрикату *ц*, естественным образом передают *ч* других языков через *ц*. Это происходило и в русских заимствованиях.

В данной главе автор рассматривает и русское влияние в марийском языке. Несомненно, в рассматриваемый период численность русского населения в марийском крае растет, что Д. Е. Казанцев наглядно демонстрирует, но многие русские заимствования попали в марийский язык еще в XVI—XVII вв.

В конце книги говорится о диалектных зонах в марийском языке. На основной территории распространения марийского языка автор различает три наречия: горное, северо-западное и луговое, куда включает и говоры Вятского бассейна. Это разделение не отражает в достаточной мере языковые различия, потому что ставит на один уровень близкие между собой горный и северо-западный языковые варианты с луговым вариантом, существенно отличающимся от них.

Полностью можно согласиться с тем, что пишет Д. Е. Казанцев о западных чертах йошкар-олинского и волжского говоров.

В заключение на основе фонетических и морфологических особенностей автор ха-

рактирует западную и восточную диалектные зоны. Происхождение характерных западных гласных *y* он выводит из соседних тюркских языков. Это мнение все больше поддерживается тюркологами.

Критические замечания свидетельствуют о том, что существует еще много

спорных вопросов вокруг марийского этногенеза. Книгу Д. Е. Казанцева можно считать значительным шагом на пути к их выяснению. Его работа является достижением марийского языкознания, заслуживающим искреннего признания исследователей, работающих в этой области.

ГАБОР БЕРЕЦКИ (Будапешт)

IN MEMORIAM RUBEN ERIK NIRVI

Am 26. Januar 1986 verstarb kurz nach Vollendung seines 80. Lebensjahres der verdienstvolle Forscher der ostseefinnischen Sprachen, der ehemalige Professor der Universität Helsinki, Ruben Erik Nirvi. Er wurde am 16. Dezember 1905 im Kirchspiel Askola (Uusimaa) geboren. Mit seinem Leben und Schaffen wurden die Leser dieser Zeitschrift ausführlich 1981 (Nr. 1) bekannt gemacht. Im vorliegenden Nekrolog sollen nur die wichtigsten Forschungsergebnisse von Ruben Nirvi Erwähnung finden.

Kaum jemand wird die Behauptung in Zweifel stellen, daß in R. E. Nirvis Lebenswerk der von ihm gesammelte Wortschatz der Volkssprache und dessen Veröffentlichung in entsprechenden Wörterbüchern einen stets bleibenden Wert darstellen. Von 1933 bis 1937 arbeitete er als Stipendiat von Sanakirjasäätiö (Wörter-

buchstiftung) im ostfinnischen Kirchspiel Kiihtelysvaara. Gemeinsam mit Lauri Hakulinen und Veikko Ruoppila gehörte er zu den Wortschatzsammlern, deren Aufzeichnungen für das Wörterbuch der finnischen Dialekte (1. Band 1985 erschienen) sowohl hinsichtlich der Quantität als auch Qualität besonders nützlich waren. R. E. Nirvis Sammelmethode waren die Befragung nach Begriffsbereichen und das aufmerksame Zuhören der freien Erzählung des Sprachgewährsmannes. 40 Jahre nach dieser außergewöhnlich umfangreichen Feldarbeit kam es zur Publizierung des gesammelten Materials in Form eines selbständigen Wörterbuches: «Kiihtelysvaaran murteen sanakirja» wurde von 1974—1981 in zehn Heften mit einem Gesamtumfang von 2570 Seiten herausgegeben. Unter den Wörterbüchern der ostseefinnischen Sprachen ist dieses das umfangreichste Wörterverzeichnis zu einer einzigen Mundart.

Anschließend wandte sich R. E. Nirvi der lexikographischen Erforschung der ingrischen Sprache, vorwiegend dem Soikkola-Dialekt zu. Auch das Sprachmaterial von «Inkeröismurteiden sanakirja» (Helsinki 1971, 730 S.) wurde im überwiegenden Teil von dem Zusammensteller selbst nach dem Volksmund aufgeschrieben. Als Sprachgewährsmänner nahm er nach Finnland und Schweden ausgewanderte Ingrier in Anspruch. Von der Gründlichkeit der Sammelarbeit hat sich der Unterzeichnete dahingehend überzeugen können, daß er während seiner Aufenthalte in den letzten Jahren bei den Ingriern auf der Halbinsel Soikkola kaum ein Wort entdeckt hat, das nicht im Wörterbuch von Nirvi registriert wäre. Die Materialien anderer ingrischer Dialekte in diesem Wörterbuch stammen